

оказывает существенного влияния на рынок труда [6, с. 13].

Таким образом, китайские совместные компании, китайский бизнес и рабочая сила вносят существенный вклад в развитие отдельных отраслей экономики Казахстана. Они повышают квалификацию кадров, обеспечивают их социальную защиту, что повышает конкурентоспособность работников, предприятий и компаний. Вместе с тем, имеются и негативные последствия китайской трудовой миграции и бизнеса.

Трудовая миграция из Китая становится неотъемлемым элементом на рынке труда Узбекистана. Китайский бизнес и рабочая сила вносят существенный вклад в развитие отдельных отраслей экономики Узбекистана. В тоже время трудовая миграция сопровождается рядом негативных явлений, связанных с неотработанностью организационных вопросов регулирования импорта рабочей силы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Галька Л., Таран П. Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // Век глобализации. 2017. № 1.
2. Трудовая миграция, денежные переводы и человеческое развитие в странах Центральной Азии. М.: Евразийский банк развития, 2015.
3. Садовская Е. Ю. Китайская миграция в Центральной Азии в начале XXI века. М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.
4. Китай в лидерах по предоставлению иностранной рабочей силы в РК // Учёт. URL: <https://uchet.kz/news/kitay-v-liderakh-po-predostavleniyu-inostrannoy-rabocheysily-v-rk/> (дата обращения: 10.01.2021).
5. Есеналина А. Кто кормит Казахстан. 50 крупнейших налогоплательщиков страны // LS. URL: <https://lsm.kz/kto-kormit-kazahstan-50-krupnejshih-nalogoplatelshikov-strany> (дата обращения: 10.01.2021).
6. Садовская Е. Ю. Аналитический доклад Инициатива Китая «Пояс и Путь» и ее влияние на миграционные потоки и политику в Центральной Азии // Prague Process. URL: https://www.pragueprocess.eu/documents/repo/151/CA_China_Analytical_Report_Sadovskaya_RU.pdf (дата обращения: 10.01.2021).

СОВЕТСКОЕ КУРДОВЕДЕНИЕ В 1920-1930-Х ГГ.: МЕЖДУ РЕВОЛЮЦИОННЫМИ ИДЕЯМИ И ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ИНТЕРЕСАМИ

А. О. Победоносцева-Кая

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, apobedonostseva@gmail.com,
a.pobedonostseva@spbu.ru*

Рассмотрение развития советского курдоведения в контексте противоборства идей мировой революции и государственных интересов советского государства

позволит проанализировать с одной стороны условия и рамки для научной работы, а с другой стороны, ее связь с политикой того времени и ее общественное значение. Контекст времени был сформирован Первой мировой войной и революционными событиями, а также общим стремлением правительства Советской России отмежеваться от наследия Российской Империи и вести принципиально иную политику на Ближнем и Среднем Востоке, зачастую начиная свою политику в отношении курдов заново. В качестве ключевых фигур (*case studies*) для рассмотрения доклада были выбраны Василевский Казимир Габриэлович (1896–1938 гг.), Вильчевский Олег Людвигович (1902–1964 гг.), Курдоев Канат Калашевич (1909–1985 гг.), Ростоппин Федор Борисович (1904–1937 гг.), Шамилов Араб Шамоевич (1897–1978 гг.), которые являются представителями как разных курдоведческих центров, так разных устремлений, социального происхождения и жизненных путей.

Ключевые слова: СССР; Коминтерн; курдоведение; Василевский Казимир Габриэлович; Вильчевский Олег Людвигович; Курдоев Канат Калашевич; Ростоппин Федор Борисович; Шамилов Араб Шамоевич.

SOVIET KURDISH STUDIES IN 1920-30: BETWEEN REVOLUTIONARY IDEAS AND STATE INTERESTS

A. O. Pobedonostseva-Kaya

*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation,
apobedonostseva@gmail.com, a.pobedonostseva@spbu.ru*

This paper analyses the development of Soviet Kurdish studies shaped by the factor of confrontation between the world revolution ideology and the Soviet state interests. Using numerous archival documents and private collections, the paper investigates conditions for scholarly work, as well as its connection with the politics and society of that time. The study focuses on individual cases of several Soviet Kurdish scholars (Kazimir Vasilevsky, Oleg Vilchevsky, Kanat Kurdov, Fedor Rostopchin, Arab Shamilov), who provided their expertise for the Soviet government and/or Communist revolutionary movement in the 1920s and 1930s.

Keywords: USSR; Komintern; Kurdish Studies; Kazimir Vasilevsky; Oleg Vilchevsky; Kanat Kurdov; Fedor Rostopchin; Arab Shamilov.

Для России, которая в своих отношениях с Османской Империей в XIX в. ориентировалась в основном на интересы славянских народов Восточной Европы, курдский вопрос отнюдь не являлся приоритетным. Между тем, значимость и необходимость изучения курдского языка, истории и культуры курдов была очевидна для представителей царской администрации на Кавказе – т.е. в регионе, где курды являлись и русскими подданными, и нередко нарушителями границы с Турцией и

Персией. Такой интерес в основном сводился к практическому применению полученных знаний в системе регионального управления.

После Первой мировой войны правительство Советской России стремилось отмежеваться от наследия Российской Империи и вести новую, фундаментально иную политику на Ближнем и Среднем Востоке, во многом начиная свою политику в отношении курдов заново, а курдоведение, подобно другим отраслям науки, было поставлено на службу внешней политики СССР, а также было подвержено воздействию внутривластной борьбы в стране между целым рядом различных структур: Коминтерн, Совнарком, органы ГБ, НКВД, НКВД и РККА.

История развития Советского государства первой трети XX в. была историей противостояния устремлений, которые можно свести к двум. Одно из них условно можно обозначить как революционный идеалистический проект пролетарского интернационализма, который в первые десятилетия существования Советского государства не был примитивным экспортом революции. Он был связан с существованием внутри и за пределами СССР разветвленной сети различных политических структур и революционных организаций, которые преследовали транснациональные и даже глобальные цели, касающиеся различного рода радикальных освободительных проектов, в той или иной степени имевших отношение к всемирной коммунистической революции. Эта сеть организаций отличалась нарастающей иерархизацией и была построена вокруг Коминтерна, который вел зачастую параллельную и даже противоречивую установкам советского правительства политику.

Другому проекту, прагматическому, соответствовала новая идеология марксизма, которая реализовалась в яфетической теории Н. Я. Марра во вновь созданных или реорганизованных учреждениях или кабинетах. Как потом писал В. А. Годлевский, правда о более поздних событиях в науке: «Опыты преподавания востоковедных дисциплин ставились в Москве неоднократно. они часто кончались неудачей, но именно многократность этих опытов показывает, что Москва остро хочет узнать Восток» [1, с. 345-346]. Курдоведение было представлено в нескольких центрах, которые для удобства повествования можно свести к трем группам, как к наиболее характерным:

- Московский институт востоковедения (МИВ) с Всесоюзной Научной Ассоциацией Востоковедов (ВНАВ);
- Ленинградский Восточный Институт им. А. С. Енукидзе (ЛВИ) и Коммунистический университет трудящихся Востока им.

И. В. Сталина (КУТВ) с Научно-исследовательской ассоциацией по национальным и колониальным проблемам (НИАНКП);

- Военная академия РККА, Восточный факультет.

В качестве ключевых фигур (*case studies*) для статьи были выбраны Василевский Казимир Габриэлович (1896–1938 гг.), Вильчевский Олег Людвигович (1902–1964 гг.), Курдоев Канат Калашевич (1909–1985 гг.), Ростопчин Федор Борисович (1904–1937 гг.), Шамилов Араб Шамоевич (1897–1978 гг.). Все они являются представителями как разных курдоведческих центров, так разных устремлений, социального происхождения и жизненных путей. Например, К. Г. Василевский и К. К. Курдоев вышли из низов, а О. Л. Вильчевский, Ф. Б. Ростопчин и А. Ш. Шамилов являются представителями социально более зажиточных слоев и духовенства. Вместе с тем, рассмотренные здесь ученые могут считаться характерными примерами советских экспертов по странам Востока в то время.

Судьба и сама фигура Казимира Габриэловича Василевского (1896–1938 гг.) является характерной для советских кадров того времени, а его жизнь – пример выдвижения на руководящие позиции в советском государстве людей из социальных «низов». К. Г. Василевский вырос в глухой деревне, получил минимальное образование в царское время, был выдвинут на командные посты в Красной армии во время и после революционных событий, закончил Восточный факультет Академии РККА в 1924 г. по турецкому разряду. Карьера К. Г. Василевского была связана с практическими нуждами советского государства: в 1924–1926 гг. находился в Турции в составе репатриационной комиссии СССР, в 1927–1928 гг. возглавляет Среднеазиатские курсы востоковедения РККА в Ташкенте, затем работает преподавателем Военно-политической академии РККА в Москве, прежде чем поступает с 1931 г. на службу в Разведывательное управление РККА [2, Л.18–19].

В 1930-е гг. К. Г. Василевский выступил с целым рядом научных и научно-популярных публикаций, убеждения, отраженные в них, шли вразрез со сближением СССР и Турции. Взаимодействие с молодой Турецкой Республикой ставило перед СССР фундаментальный вопрос о том, как интегрировать идеологические установки во внешнюю политику страны. С одной стороны, продолжал действовать Коминтерн. Но с другой, после XIV съезда ВКП(б) в 1925 г. и поражения внутривластной оппозиции в 1923–1927 гг., И.В. Сталин и советское руководство все более склонялись к проведению политики построения «социализма в одной стране». В целом, начиная с конца 1920-х гг., советское правительство все жестче ограничивает революционную

деятельность Коминтерна за рубежом вообще и особо старается нормализовать отношения с сопредельными странами.

На этом фоне К. Г. Василевский продолжал последовательно разрабатывать темы и высказывать мнения, указывающие на его приверженность политике революционизации Турции и региона, радикальной социальной эмансипации. В частности, он резко выступал против «правого оппортунизма» в оценке аграрной политики Турции, изучал «курдский вопрос», сотрудничал с Международным аграрным институтом при Коминтерне. Несмотря на то, что К. Г. Василевский позиционировался как тюрколог, он подготовил достаточное количество работ, связанных с курдским национально-освободительным движением, по которому продолжал полемику с оппонентами в духе идей Коминтерна. К. Г. Василевский не остается в стороне, когда пишет вводную часть к работе Ф. Б. Ростопчина «Библиография по курдской проблеме», напечатанную в издании Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем «Революционный Восток».

Как представитель совсем иного сословия, сын графа и потомок знаменитого губернатора Москвы, бывший кадет Федор Борисович Ростопчин (1904–1937 гг.) приходит к изучению Востока также благодаря Коминтерну. Во время второго конгресса III Коминтерна он был прикомандирован Московским военкоматом к общежитию делегатов конгресса, где выполнял функции переводчика, и под влиянием общения с рядом делегатов восточных стран, решил изучать Восток. После окончания Московского Института Востоковедения им. Нариманова в 1926 г. Ф. Б. Ростопчин работал в Коммунистическом Университете Трудящихся Востока им. И. В. Сталина, а с сентября 1931 г. был направлен в Ленинград, где приступил к работе секретаря Персидского кабинета Института Востоковедения Академии Наук СССР [3, Л.2, 2(оборот)]. Там Ф. Б. Ростопчиным был начат перевод истории курдов Шараф-хана Бидлиси на русский язык. Перевод этого важного источника истории курдского народа был предпринят по решению Всесоюзной курдоведческой конференции, состоявшейся в 1934 г. в Ереване [4, с. 389], куда были делегированы и другие курдоведы из Ленинграда – О. Л. Вильчевский, К. К. Курдоев, А. Ш. Шамилов.

Олег Людвигович Вильчевский (1902–1964 гг.) родился в семье морского офицера, военного прокурора Кронштадтского порта и, сохраняя семейную традицию также, как и Ф. Б. Ростопчин, проходил обучение в кадетском корпусе. Для продолжения образования после революционных событий и Гражданской войны О. Л. Вильчевский был вынужден искать учебные заведения, которые принимали детей дворян

и царских чиновников. Одним из таких ВУЗов стал организованный в 1920 г. Ленинградский институт живых восточных языков (ЛИЖВЯ), призванный в числе прочих учреждений реанимировать отечественную востоковедную науку по причине нехватки как школ, так и специалистов. Там в 1920–1924 гг. О. Л. Вильчевский получает образование по персидскому разряду, в 1924–1926 гг. прослушал курс и сдал все зачеты по персидскому разряду цикла культур Востока факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ, а в 1930–1932 гг. был аспирантом академика Н. Я. Марра в АН СССР [5, Л.10]. И как работавшие в 1930-е гг. в Ленинграде курдоведы, и как непосредственно ученик Н. Я. Марра, О. Л. Вильчевский испытал определенное влияние яфетической теории академика Н. Я. Марра, которая впоследствии была раскритикована лингвистами как лженаучная. Однако и под таким влиянием О. Л. Вильчевским было написано несколько значительных работ по курдоведению, не потерявших актуальности.

С 1932 г. основная научная деятельность О. Л. Вильчевского протекала в области изучения курдского языка, практической работе по языковому строительству курдов СССР, для чего было совершено несколько поездок в Закавказье, где он знакомится с А. Ш. Шамиловым. В результате этих командировок О. Л. Вильчевский играет одну из важных ролей по организации и преподаванию курдского языка на Курдском отделении на Рабфаке ЛВИ им. А. С. Енукидзе, в числе одного из десяти первых студентов которого был К. К. Курдоев. Значительное число направлений научной деятельности О. Л. Вильчевского охватывает и участие в 3 лингвистических поездках в населенные курдами районы СССР (Азербайджан, Армения, Грузия, Туркмения) для проработки проблемы единого курдского литературного языка по заданию ВЦК НА, составление первой грамматики курдского языка (1936 г.) совместно с коллегами-курдами А. Ш. Шамиловым и К. К. Курдоевым, сбор материала для словаря курдов Сулеймание и многое другое.

Шамилов Араб Шамоевич (1897–1978 гг.) происходил из семьи шейха – духовного лица курдов-езидов, проживавшей до Революции в селе Сууз Кагызманского округа Карской области. Учился в Московском институте Востоковедения им. Нариманова и в Ленинградском Комвузе им. Сталина. С 1932 г. перешел в Ленинградский институт философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ), где преподавал и учился. В дальнейшем по предложению Н. Я. Марра поступил в аспирантуру в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК) в 1933 г. [6, Л.14, 19].

А. Ш. Шамилов принимал самое деятельное участие в

организационных вопросах как в ЛИФЛИ, так и в ГАИМК. Преподавал курдский язык, является одним из авторов курдского алфавита, который готовили для создания литературного языка курдов Советского Союза на базе языка курдов Армении, Грузии с учетом языков курдов Азербайджана и Туркменистана и зарубежных курдов [7, Л.87]. А. Ш. Шамилов преподавал до 1933 г. на Курсах национальных меньшинств Советского Востока, переформированные из Рабфака ЛВИ и функционирующие в 1932–1936 гг. [8] и опекал всех курдских студентов, которые оказывались в Ленинграде. На тех же Курсах по рекомендации А. Ш. Шамилова преподавал К. К. Курдоев [9, Л.11].

Курдоев Канат Калашевич (1909-1985 гг.) родился в том же селе, что и А. Ш. Шамилов, переехал в Тифлис, где закончил Трудовую школу. В 1928 г. был в числе первых студентов зачислен на Рабфак ЛВИ им. А. С. Енукидзе, который окончил в 1931 г. В последствии преподавал там же на Курсах национальных меньшинств Советского Востока до закрытия курсов в 1936 г. параллельно обучаясь в ЛИФЛИ.

Перечисленные курдоведы в 1920-30-х гг. работали над разными научными проблемами, которые объединял их прикладной характер. Внутренняя политика (содействие развитию национальных культур, создание социалистических наций, национальное размежевание), и внешняя политика СССР в 20-е годы, и деятельность Коминтерна как особой транснациональной структуры, ассоциированной с советским государством – все они требовали срочного изучения истории, традиций и языков народов Востока для лучшего понимания специфики их развития и ознакомления с опытом социалистического строительства в стране победившего пролетариата.

Но победа концепции «строительства социализма в одной стране», приводит в 1930-е гг. к репрессиям в отношении курдоведов и отражается на развитии курдских исследований. Тяжелее всех репрессии ударили по К. Г. Василевскому и Ф. Б. Ростопчину, известным своей более активной поддержкой «революционизации Востока» [10, с. 289] и тесно контактировавший со структурами Коминтерна, более того, как следует из его работ, идеологически близкий к более радикальным революционным течениям. 15 марта 1935 г. Ф. Б. Ростопчин был впервые арестован [11, Л.1], сослан в Ташкент, где занимался переводом документов из архива джуйбарских шейхов – важного источника по социально-экономической истории Средней Азии, который был впоследствии издан без указания имени переводчика [12]. Потом был снова арестован и 29 июля 1937 г. ВК ВС СССР «за участие в контрреволюционной террористической организации» приговорен к ВМН (ст. 58–8, 11) и в тот же день расстрелян. К. Г. Василевский был

арестован 14 декабря 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации, а 2 апреля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания.

Менее тяжелые репрессии выпали на долю курдоведов, которые не были столь тесно связаны с транснациональными революционными проектами Коминтерна, и не отстаивали открыто какие-либо радикальные революционные взгляды. В частности, А. Ш. Шамилов подвергался арестам неоднократно с 1929 г. Соккрытие социального происхождения привело к исключению из ВПК(б), в которой он состоял в 1918-1936 гг. будучи одним из крайне малочисленных курдов, получивших партбилет, соккрытие исключения из партии и уличение в связи с контрреволюционной организацией привели к аресту в 1937 г. и последующей ссылке [13, Л.69]. Несмотря на все эти преследования, он лишь оказался на какое-то время отстраненным от научной деятельности.

Еще меньше пострадал практически не связанный с радикальными политическими кругами Коминтерна К. К. Курдоев. Лишь за поддержку А. Ш. Шамилова он был исключен в 1938 г. из рядов ВЛКСМ «за притупление политической бдительности, выразившейся в близкой связи с “врагом народа” Шамиловым и выдачи, заведомо зная, неправильной справки о его социальном происхождении» [14, Л.1, 19 (оборот)]. После десятилетий ссылок А. Ш. Шамилов отошел от науки. К. К. Курдоеву повезло больше. Он не только сумел удержаться в науке, но фактически стал единственным специалистом в курдоведении: его учитель и соавтор О. Л. Вильчевский до 1954 г. служил в Закавказье, а его коллега И. Цукерман только в 1957 г. вернулся в Ленинград по приглашению И. А. Орбели.

Они не были случайными жертвами: пострадали практически все прикладные исследования ближневосточного региона. Решение советского руководства прекратить попытки Коминтерна, направленные на революционизацию иностранных государств, неизбежно вело к политическому столкновению между сторонниками линии Коминтерна и сторонниками укрепления социализма в отдельно взятой стране. В условиях советского политического строя того времени такое столкновение зачастую вело не к политическим дебатам и поиску компромисса, а к жестким мерам советских государственных и партийных органов по сворачиванию инфраструктуры поддержки мировой революции, в том числе отстранения от соответствующей деятельности кадров и экспертов Коминтерна, порой путем их репрессирования и физического уничтожения.

Непреднамеренно, но неизбежно сами исследования и экспертиза в области курдского вопроса оказывались отодвинутыми на периферию. Например, первая советская грамматика курдского языка за авторством О. Л. Вильчевского, К. К. Курдоева и А. Ш. Шаилова увидела свет в 1935 г., но так и осталась невостребованной. Только в 1957 г. К. К. Курдоев смог за своим авторством опубликовать известный труд. Работа И. Цукермана «Материалы для курдской грамматики. 1. Имя» была сдана в печать в 1937 г., но в итоге так и не была опубликована, несмотря на то что при ссылках на совместные работы И. Цукермана, К. К. Курдоева и А. Ш. Шаилова имя последнего не указывалось вовсе. Совместная работа с А. Ш. Шапиловым затронула и О. Л. Вильчевского, который предпринимал попытки остаться на плаву и обосновать свою полезность в целом и как курдоведа в частности. В 1938 г. он защитил диссертацию «Езидские тексты» на степень кандидата филологических наук, совместив таким образом религиоведение и лингвистику.

В результате этих событий к началу Второй мировой войны Кремль столкнулся с катастрофической ситуацией нехватки квалифицированных кадров, когда в 1940-е гг. советское руководство было снова вынуждено активно заняться ближневосточным регионом в результате советской оккупации Ирана, в том числе и курдских районов этой страны, а также выхода на границы подконтрольного Британской Империи Иракского Курдистана. Если говорить о курдском вопросе, то эксперты были или репрессированы, или же были вынуждены существовать под угрозой репрессий, либо просто пренебрегали и их подготовкой, и сохранением как профильных специалистов.

Трагические события советской политики того времени и траектория революционного движения нашли свое отражение в биографиях и научном наследии многих специалистов, в том числе включенных в данное исследование. Они стали наглядными иллюстрациями столкновения советского востоковедения, а точнее советского курдоведения как науки с транснациональными революционными проектами и государственными интересами СССР тех лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гордлевский В. А. Московское востоковедение после Октября (К тридцатилетию Октябрьской революции). Избранные сочинения. Том IV. Этнография, история востоковедения, рецензии. Москва: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1968.
2. Василевский Казимир Габриэлевич. Личное дело // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 495 Оп. 65а Д. 3400

3. Ростопчин Федор Борисович. Личное дело // Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии Наук (АВ ИВР РАН) Ф.152 Оп.3 Д. 514
4. Курдоев К. К. Курдоведение //Азиатский Музей – Ленинградское Отделение Института Востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972.
5. Вильчевский Олег Людвигович. Личное дело // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН) Ф.77 Оп.5 Д.318 Л.10.
6. Шамилов Араб Шамоевич. Личное дело // Научный архив Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК РАН) Ф.2 Оп.3 Д.739
7. Планы на 1934 г., отчет А.Шамилова об исследовании КНА // Архив РАН (АРАН) Ф.676 Оп.1 Д.457
8. Шамилов Араб Шамоевич. Личное дело // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) Ф.4363 Оп.1 Д.973
9. Курдоев Канат Калашевич. Преподаватель курдского языка // ЦГА СПб Ф.4363 Оп.1 Д.803
10. Орден российских тамплиеров. Том II. Документы 1930–1944 гг. Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л.Никитина. Москва, МИНУВШЕЕ, 2003.
11. Ростопчин Федор Борисович. Следственное дело // Архив Федеральной службы безопасности России в СПб и ЛО (А ФСБ СПб ЛО) Арх П-78729
12. Ростопчин Федор Борисович (1904–1937) // Биобиблиографический словарь репрессированных востоковедов "Люди и судьбы". URL: <http://www.memoiry.pvost.org/pages/rostopchin.html> (дата обращения: 24.04.2021).
13. Шамилов Араб Шамоевич. Следственное дело // А ФСБ СПб ЛО Арх П-22556
14. Курдоев Канат Калашевич. Личное дело // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) Ф.1728 Оп.1-73 Д.577906

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИСЛАМЕ

Т. Р. Хайруллин

Институт Африки РАН,

ул. Спиридоновка, 30/1, 123001, г. Москва, Россия, jumglaw16@yandex.ru

Данная статья касается проблемы либерализации политического ислама/исламизма в Арабском мире. Цель исследования состоит в выявлении степени либерализации политического ислама в Арабском мире. В период событий «арабской весны» произошла политизация ряда салафитских движений, которые, создав партии, участвовали в политической гонке. Наблюдалась либерализация и среди умеренных исламистских движений, которые старались максимально использовать демократические лозунги в борьбе за власть. Более того, используя статистические данные и принимая в расчет последствия недавних региональных событий, автор приходит к выводу, что в последние годы происходит снижение популярности исламизма. Безусловно, такая тенденция не столь высока, однако она может способствовать росту секуляризации общественно-политических отношений в регионе.

Ключевые слова: Арабский мир; исламизм; политический ислам; салафиты; нестабильность.